

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВАЯ АДАПТАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО СЕЛА

М. Н. Муханова¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

Для цитирования: Муханова М. Н. Социально-трудовая адаптация сельского населения в условиях институциональной трансформации российского села // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 4. С. 64–80. DOI 10.19181/snsp.2022.10.4.9283. EDN EWDNQG

Аннотация. Целью данной работы является попытка поиска эмпирических свидетельств процесса формирования новых предпринимательских слоёв в изменившейся институциональной и социокультурной среде российского села. На примере федеральных округов рассмотрены механизмы адаптации сельского населения к рыночной экономике, которые привели к разрушению сельхозпредприятий, возникновению капиталистических форм производства и новых трудовых практик — занятости в неформальном секторе. Информационную базу составили данные крупномасштабных панельных исследований Росстата 2012–2021 гг. и Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 г., 2016 г., 2021 г., а также исследовательских практик в регионах РФ. Было выявлено, что доля занятых как в целом, так и на региональных аграрных рынках сокращается по мере роста темпов развития экономики, ускорения урбанизации, легализации неформальной занятости, присутствия сельскохозяйственных производителей с передовыми технологиями, а также сети ритейлеров в сфере услуг в крупных населённых пунктах. Сельскохозяйственные переписи показали взаимозависимые процессы сокращения фермерских хозяйств и рост объёма земель и сельхозпроизводства в них. Эти результаты стали доказательством того, как фермеры с профессиональным опытом управления, внедряя инновационные технологии и техники, применяя новые бизнес-модели в хозяйстве, сумели противостоять различным издержкам и теневым практикам и стать структурами, акторами деятельности для модернизации производства в регионах, формируя предпринимательские слои в социально-структурных процессах российского села.

Ключевые слова: сельское население, социально-трудовая адаптация, агропромышленный комплекс (АПК), институциональные изменения, рынок труда, отраслевая занятость по федеральным округам, формальный и неформальный сектор, становление новых слоёв

Политический, экономический и социальный порядок в России в 1990-е гг. был быстро и стихийно разрушен методом шоковой терапии в условиях отсутствия в социально-экономических институтах опыта рыночного управления.

Поэтому главной задачей исследования было найти ответ на то, как в условиях исторического характера изменений сельским жителям, не имеющим знаний и опыта функционирования рыночной экономики, удалось адаптироваться. Многие работники советского АПК потеряли гарантии пожизненной занятости, постоянного дохода. От реформаторов требовалось предотвратить социальные катаклизмы и найти баланс между регулированием и свободным движением рыночных сил. Но «невидимая рука рынка» создала неформальный сектор, который стал механизмом адаптации к новой экономике и трудовой практики для большинства сельского населения.

И в нынешних условиях занятость в неформальном секторе – один из ресурсов адаптации и эффективности экономики в условиях масштабных глобальных санкций против России. Предыдущий опыт функционирования неформального сектора позволяет рассматривать его как традиционный сегмент, который всегда реагирует на вызовы. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько сельское хозяйство способно обеспечить продовольственную безопасность страны. После санкций, введенных в 2014 г., у российского АПК уже был коридор возможностей, которым удачно воспользовались многие субъекты сельхозпроизводства, в том числе фермеры. И, судя по экономическим показателям 2021 г., рекордным прибылям в корпоративном секторе и успешному развитию социально-экономической сферы, госсектора, несмотря на продолжение пандемии, 2021 г. был одним из самых продуктивных. Скорость восстановления ВВП была в пять раз выше мировой, рекордный объём ввода в строй недвижимости (выше пикового советского уровня в РСФСР), развитый агросектор, новые проекты в инфраструктуре, машиностроении, опережающее развитие IT, интенсивная перестройка сервисов¹. Велик вклад также АПК, ставшего одним из крупнейших мировых экспортеров сельхозпродукции, обеспеченный сильной регулирующей ролью государства.

Однако, результаты, достигнутые за последние годы, во многом обеспечиваются передовыми западными технологиями, и российскому АПК потребуются около 10 лет, чтобы осуществить полное импортозамещение. Ведь многие сельскохозяйственные организации до сих пор работают на советской технике. Сельское хозяйство обеспечено примерно на 70% основными видами техники. Несмотря на то, что они имеют российский дизайн, комплектующие к ним доставляются из-за рубежа². Доля импортных семян в посевах в растениеводстве составляет от 50 до 90%. Обеспеченность семенами в условиях новой посевной составляет 70%³. По заверению аграрного руководства, АПК в условиях санкций способен полностью обеспечить страну основными видами продовольствия.

¹ Бутрин Д. Немобилизационное предписание // Коммерсант. 08.04.2022. С. 2.

² Чуприн В. Фермеры назвали вероятные сроки импортозамещения: «Понадобится 10 лет» // Московский Комсомолец : [сайт]. 2022. URL: https://www.mk.ru/economics/2022/04/03/fermery-nazvali-veroyatnye-sroki-importozamesheniya-ponadobitsya-10-let.html?from=article_mi_b (дата обращения: 04.03. 2022).

³ В посевную с семенами // Сельская Жизнь. 2022. №10. С. 9.

А зарубежные агрохолдинги (Accher Daniels Midland, Bayer AG b Cargin), несмотря на международное давление, пытаются остаться работать, считая, что РФ играет важную роль в обеспечении продовольствием населения мира за счёт обширных плодородных земель¹. В этих условиях для сельского хозяйства основной повесткой становится не развитие, а выживание бизнеса: для крупных сельхозпроизводителей будут критичными сбои логистики, будут разрушаться формировавшиеся годами цепочки поставок, финансовая инфраструктура².

Теоретические предпосылки и гипотезы. Эмпирическая база

Исследование процессов адаптации сельского населения на фоне давления институциональных рыночных преобразований привело к необходимости проведения анализа по выявлению механизмов смысла как источника знаний, или веберовское «проблема смысла» человеческих действий [3], на основе которых были разработаны установки адаптационных возможностей сельских жителей, радикально изменивших не только социальную структуру, но и облик российской деревни. В данном случае определяющим фактором для анализа адаптационных процессов являются социально-конструктивные ресурсы аграрных реформ в трансформации социальной структуры российской деревни, т. е. для понимания того, существовали ли позитивные тенденции (для формирования смыслов) в условиях аграрной реформы.

Какие социальные конструкции реформ повлекли за собой рациональные (в то же время успешные) типы социального и трудового поведения и их интеграцию в новых условиях? Какими конкретными способами и формами эти смыслы были реализованы в повседневной жизни сельских жителей, как они строили свою новую социальность во взаимодействиях? Перефразируя Т. Парсонса, можно сказать, что центральный момент в дифференциации общества и его экономике наступает тогда, когда в условиях коммерциализации аграрных отношений сталкиваются интересы различных субъектов аграрной сферы [10, с. 95].

На основе наших методологических разработок, отражающих специфику роли и места сельских жителей как социальной группы в обществе, особенности её взаимодействия с институтами в процессе их интеграции в различные структуры и отношения, влияние на эти процессы условий неопределённости социальных изменений и располагая базой больших данных Росстата, охватывающих все регионы РФ, мы пришли к необходимости более глубокого анализа формирования устоявшихся структур, которые построили сегодняшнюю реальность аграрного рынка труда за 30 лет его реформирования.

¹ Их продукция необходима // Сельская Жизнь. 2022. №10. С. 11.

² Чуприн В. Фермеры назвали вероятные сроки импортзамещения: «Понадобится 10 лет» // Московский Комсомолец : [сайт]. 2022. URL: https://www.mk.ru/economics/2022/04/03/ferмеры-nazvali-veroyatnye-sroki-importozameshheniya-ponadobitsya-10-let.html?from=article_mi_b (дата обращения: 04.03. 2022).

Анализ занятости сельского населения на рынке труда АПК основан на панельных данных исследований Росстата с 2012 г., проведённых по заказу Правительства РФ в качестве базы для подготовки проектов и программ социальной политики, что говорит о надёжности контроля и репрезентативности результатов. С 2012 г. исследование «Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах» проведено Росстатом во всех регионах страны. В 2021 г. методом интервью опрошено 40957 респондентов с 16 лет, из них занятые в производстве 14660 сельян, проживающих в 18840 сельских домохозяйствах в 83 субъектах в 8 федеральных округах¹. Также использовались данные Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006, 2016 и 2021 гг.

Значимость исследования заключается в том, что на базе данных этих исследований, охватывающих все регионы РФ, осуществляется комплексный анализ рынка труда и социально-структурных процессов российского села, показывающий исторический момент сельского мира, когда уходят традиционные формы хозяйствования, исчезают привычные контуры социальной структуры села и возникают новые социальные слои, конструирующие новую сельскую реальность. Это и определяет основные гипотезы исследования.

Для анализа рынка труда АПК были использованы индикаторы, характеризующие социально-структурные процессы села — это межсекторная, отраслевая и профессиональная занятость по федеральным округам, наличие сельскохозяйственных земель и реализация продукции в субъектах производства.

Основная цель исследования — проанализировать формирование устойчивых групп в социальной структуре села и проследить состояние движения рабочей силы на региональных рынках труда в условиях реформирования и результаты его адаптации как трудового ресурса АПК. Эти показатели демонстрируют не только тенденции в движении рабочей силы, но и состояние сельских территорий, а также то, как сельский житель становится социально востребованным и действующим лицом на рынке труда.

Из каких механизмов структурированы различные уровни адаптации сельского населения? Понятие «механизм» мы рассматриваем как субъективное отношение и внутреннее состояние, направленное на достижение цели, и влияние на него объективных условий (системы), которые определяют рациональный характер функционирования субъекта и его социальной группы. На механизмы адаптации оказывают влияние социально-экономические институты, а индивид, используя имеющиеся у него ресурсы, регулирует процессы, т. е. осуществляет саморегуляцию для достижения своей цели. Имея свои представления о желаемом, включая ценностные ориентации, установки, индивид конструирует социальное и трудовое поведение в сложившейся социально-экономической ситуации.

---

¹Федеральная служба государственной статистики http://www.gks.ru/free_doc/new_site/USP/survey0/index.html Массивы с результатами данного обследования Росстат выставил полностью на сайт в мае 2022 г. Данные обработаны автором с помощью статистической программы SPSS.

Адаптационные возможности индивида структурированы мобилизацией всех имеющихся у него индивидуальных ресурсов — это, прежде всего, образование, профессиональные навыки, ценностные установки, социальные связи. В зависимости от уровня развития ресурсов и их комбинации, индивиды пытаются конструировать стратегии адаптационного поведения [1, с. 14]. Проблема в то же время заключается в спросе на эти индивидуальные ресурсы, поскольку сложившаяся институциональная среда с новыми правилами и положениями может ограничивать реализацию человеческого капитала, блокирует стратегии, которые не вписываются в новую социально-экономическую реальность.

На основе анализа отечественных публикаций по теме социальной адаптации было выявлено несколько методологических подходов, связанных с основными социологическими парадигмами. Соотношение имеющихся ресурсов с возможностями их реализации в сложившейся институциональной среде с целями и содержанием жизненных стратегий исследуется в рамках концепции «рационального выбора» Л. Роббинса, Г. Саймона [1, с. 14]. Рациональность рассматривается в трёх измерениях в зависимости от установки — это выживание; поддержание относительно стабильных условий и уровня жизни, простое воспроизводство человеческого капитала; значимое улучшение условий, повышение уровня, качества жизни и человеческого «капитала». Приоритет той или иной установки определяется соотношением внешних экономических, социальных, политических условий и социально-психологического состояния, внутренней ориентации, готовности акторов к принятию этих условий либо к их изменению в форме активных действий или пассивного сопротивления [2, с. 293].

Другая точка зрения — когда процессы адаптации рассматриваются сквозь призму эволюции социального самочувствия, где степень адаптированности характеризует внутреннее состояние индивида и социальных групп. По мнению автора, это и станет критерием развития толерантности в сознании россиян. Критерий оптимальности — это один из признаков его эффективности. В этом понятии фиксируется представление о наиболее выгодном, удобном благоприятном, целесообразном в данных условиях [4, с. 20, 23].

В нашем случае адаптационные возможности мы рассматриваем в контексте трёх взаимосвязанных больших парадигм. Первая — это структурно-функциональный подход (Дюркгейм, Парсонс), в котором анализируются объективные условия, рамки рыночных отношений регулируются вмешательством государства в сферу сельского хозяйства и их влиянием на адаптационные стратегии в трудовой и социальной практике селян. Этот подход показывает кризисное положение селян на аграрном рынке труда как следствие рыночных преобразований.

Вторая парадигма — это активистско-деятельностный подход [13], при котором мы рассматриваем сельских жителей как отдельных действующих субъектов, самостоятельно выбирающих свои позиции, действия и стратегию при решении жизненно важных для себя проблем. Сельские жители, которые оценивают текущую ситуацию в сельскохозяйственной организации, выражают готовность дей-

ствовать определённым образом и вырабатывают стратегии поведения на рынке труда. Это поиск работы на рынке труда, в том числе в несельскохозяйственных отраслях, занятость в ЛПХ, неформальная или вторичная занятость, позже — миграция населения. Как показывает практика исследований, среди сельских жителей вообще не отмечалось никаких действий по классовой солидарности или решений о принятии каких-либо эффективных мер в конфликтных ситуациях с администрацией предприятий. В этих условиях каждый из них самостоятельно искал пути выхода из сложившейся рискованной ситуации [7].

Третья парадигма — институциональный подход, основанный на теории Д. Норта, который рассматривает концепцию рациональности, основанную на двух концептуальных проблемах: одна из них возникает, когда человек воспринимает мир с его множеством фактов, другая — при сортировке этих фактов по важности и расчёте оптимального выбора. Учёный обратил внимание на то, что в ситуации институциональных изменений стратегия и тактика реформ не могут игнорировать природу зависимости настоящего от траектории предшествующего развития, и как люди развивают и изменяют эти институты [9, с. 18, 20].

Сюда также можно отнести и социокультурный подход — это ценностный фактор, основанный на содержании противоречия различных институтов культуры советского периода, в том числе труда традиционного и инновационного рыночного. По мнению экономиста В. Найшуля, там, где требуются культура и традиция, эти реформы не работают — начиная от наукоёмких отраслей и банковского сектора и кончая государственным устройством, судебной и армейской реформами [8]. Здесь очевидно, что для изменения социального и трудового поведения человека в экономике, невозможно автоматически изменить менталитет, который складывался более 70 лет в условиях отчуждения крестьян от земли и господства советских трудовых ценностей.

На наш взгляд, адаптация является одним из типов социально-структурных процессов, в ходе которого происходит приспособление акторов к новым социально-экономическим и социокультурным условиям. Такое понимание адаптации основывается на теории Т. Парсонса.

Анализ предыдущих исследований выделяет две формы адаптации — пассивную и активную. Пассивная форма предполагает возврат к архаизации, активная служит подготовкой к процессу модернизации. Задача данного исследования состоит в том, чтобы определить, какая из форм адаптации превалирует в селе. Новизна исследования заключается в рассмотрении адаптации сельского населения в её двух основных формах: пассивной и активной. Это позволяет выявить одно из основных противоречий современного села — переплетение процессов модернизации и архаизации.

Социальную адаптацию мы рассматриваем как один из типов социально-структурных процессов, связанных с приспособлением акторов к новым институциональным изменениям. Выделяем уровни адаптации по степени вовлечённости в ценности общества потребления и консюмеризма (социально-профессиональная, экономическая и социокультурная адаптации).

Проблема мотивации трудовой деятельности представляет собой одну из центральных проблем социологического анализа трудовой деятельности, их связи с системой ценностей. При выборе той или иной профессиональной деятельности важную роль играет фактор адаптации. Речь идет не о выборе определённых мотиваций, а о стремлении адаптироваться к сложившимся социально-экономическим условиям. Перед работником не стоит проблема выбора между ценностями, он вынужден выбирать ту или иную индивидуальную сферу трудовой деятельности, чтобы лучше адаптироваться к сложившимся условиям.

Каким образом вырабатываются правила и модели социального, трудового поведения акторами для реализации себя в сложившейся реальности и формируется процедура рационализации, основанная на мыслительных смысловых реакциях? В данном случае, какие модели поведения являются ориентирами для большинства активных селян?

Именно занятость сельского населения в неформальном секторе, формируемом структурами рыночной экономики, является основным социально-конструктивным ресурсом реформ АПК, где занято более трети трудоспособного сельского населения, которое в противном случае осталось бы без работы. Неформальный сектор стал следствием причин разрушения колхозов и совхозов АПК и его основной отрасли сельского хозяйства как объективного процесса институциональных трансформаций. В результате сельское население, получив землю, осталось без работы, а администрация приватизировала всё, что можно было приватизировать.

Неформальная занятость для большинства селян, несмотря на все её недостатки, ограничения и нарушения в сфере трудового права, стала не только средством интеграции и их социальной ориентации на рынке труда, но ещё и эффективным регулятором в системе отношений индивид-общество, что стало воспроизводством его социальности. Неформальный сектор на рынке труда, выполняя функции адаптации, в нынешних условиях мировых санкций становится традиционным ответом на кризисные вызовы.

В России к занятым в неформальном секторе относятся лица, которые в течение исследуемого периода были заняты, по меньшей мере, в одной из производственных единиц неформального сектора независимо от их статуса занятости и от того, являлась ли данная работа для них основной или дополнительной. В качестве критерия определения единиц неформального сектора принят критерий отсутствия государственной регистрации в качестве юридического лица. К занятым в неформальном секторе относятся:

1. Лица, работающие на предприятии индивидуального предпринимателя.
2. В фермерском хозяйстве, главы которых зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица.
3. В сфере предпринимательской деятельности (в том числе в партнерстве).
4. Работающие по найму в частных домохозяйствах.

5. Работающие на индивидуальной основе без образования юридического лица (ПБОЮЛ).

6. Занятые в собственном домашнем хозяйстве по производству товаров для реализации¹.

Показатели изменения отраслевой занятости АПК отражают сложное и многомерное явление и являются объективным основанием и методологическим сопровождением анализа социально-структурных процессов российского села.

Социально-трудовая адаптация сельских занятых в социально-структурных процессах на региональных рынках труда

Рассмотрим на примере отраслевой занятости в формальном и неформальном секторах структурирование движения рабочей силы на аграрном рынке труда по федеральным округам в динамике с 2012 г. по 2021 г. Показатели этого периода характеризуется тем, как сельяне структурировали себя и каким образом рынок труда структурно сформировался.

Анализ панельных данных Росстата показывает, что численность занятых в неформальном секторе в сельском хозяйстве АПК РФ ежегодно сокращается — с 33% в 2012 г. до 17,6% в 2022 г. Занятыми в сельском хозяйстве в неформальном секторе являются члены домохозяйств в ЛПХ, фермерских хозяйствах, а также индивидуальные предприниматели. Результаты сельхозпереписи 2021 г. показали, что численность ЛПХ за 5 лет фактически сократилась на треть — с 23,5 млн в 2016 г. до 16,6 млн в 2021 г.² Это стало результатом не только роста капиталистических форм производства, старения сельского населения и оттока молодёжи в города и потери связи с сельхозорганизациями — основным ресурсом для содержания ЛПХ, но, прежде всего, следствием повышения цен на корма и энергоносители, которое существенно ограничило возможности ведения ЛПХ.

В то же время, в передовых аграрных регионах наблюдаются патерналистские отношения — например, в лидирующей в аграрной сфере Белгородской области, где власти до сих пор ежегодно выделяют зерно тем домохозяйствам, которые продали свои земельные паи областной власти. В свою очередь, область сдаёт эти земли в аренду агрохолдингам, но сама поддержка определена, в первую очередь, целью сохранения жизнеспособности сельских поселений, препятствованию обезлюживанию территории, пьянству и апатии сельских жителей [5, с. 314, 316].

Численность фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей от переписи к переписи также сокращается. Если в 2006 г. их численность составляла 285,1 тыс., то уже в 2016 г. она существенно снизилась — до 174,8 тыс.,

---

¹ Занятость в неформальном секторе // Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). 2014. Стат. сб. М. : Росстат. 2014. С. 90.

² Сельскохозяйственная микроперепись 2021 г. Оперативные итоги. М., 2021. С. 7.

а по переписи 2021 г. их доля составила 118,3 тыс. При этом сельскохозяйственную деятельность в 2006 г. из них вели 51,6% КФХ и предпринимателей, в 2016 г. — 66,1%, в 2021 г. — 81,2%. В этих хозяйствах идёт процесс наращивания сельскохозяйственных земель и производства продукции. Если в 2016 г. за счёт сокращённых КФХ площадь земель увеличилась с 2006 г. на 261,8%, то к 2021 г. — на 5,2%. За последние 10 лет фермерские посевные площади ежегодно увеличиваются до 1 млн га, в целом их доля составила 20,7 млн га, площадь сельхозугодий у фермеров выросла до 35 млн га. Наблюдается также активный рост численности скота и производства животноводческой продукции. За последние 5 лет рост объёма валовой продукции вырос в КФХ на 55,5%. Ежегодно они выращивают около 40 млн зерновых — это 30 и 35% урожая подсолнечника от всего российского урожая¹, что позволило им выйти на мировые экспортные рынки. Остальные КФХ, не ведущие сельскохозяйственную деятельность, в основном сдавали землю в аренду, что стало причиной их сокращения в рамках принятых государством ужесточённых законов об обороте земель сельскохозяйственного назначения и их налогообложении.

Взаимообусловленные процессы сокращения фермерских хозяйств и при этом рост объёма сельхозпроизводства демонстрируют, как фермеры с управленческими способностями, накопленным опытом и производственными навыками сумели успешно адаптироваться, выстояли и укрепились на поле сельскохозяйственного производства в течение 30 лет под мощным институциональным давлением формальных и неформальных правил и практик [6, с. 207–208]. Безусловно, за каждым статистическим показателем успеха производства из более чем 100 тыс. КФХ стоит своя история становления и состоит она из различных противостояний, кризисов. Фермерский сектор в этом плане неоднороден, но все они являются первопроходцами в этом тяжёлом, изнурительном деле. «Ведь ежедневно ему приходится решать хозяйственные и финансовые вопросы: где взять добросовестных работников, противостоять не только рыночным коллизиям, но и уметь противостоять природно-климатическим условиям. Это и засуха, наводнения, степные пожары, налёт саранчи, падёж и убыточный забой скота, птицы в случаях такой напасти, как бруцеллёз, сибирская язва, чума, куриный грипп и т. д. Эти проблемы возникают ежегодно, по сезонам, и он должен уметь ежедневно управлять любой ситуацией, да ещё знать и внедрять различные инновации, без этого не выжить. Поэтому у нас и фермера не найдёте дожившего до 70 лет» (из интервью автора с главой ФХ, Республика Калмыкия, 2018 г.).

Результаты исследования, проведённого в сёлах Кузбасса также показывают сложности в становлении фермерских хозяйств в Сибири [12]. Тем не менее, среди сельхозпроизводителей, в том числе фермерских хозяйств, инициированные ими технические и технологические инновации стали мощным стимулом для изменения моделей управления земельными ресурсами, повлекли за собой

---

¹ Сельскохозяйственная микроперепись 2021 г. Предварительные итоги по крестьянским фермерским хозяйствам и индивидуальным предпринимателям М. : Росстат, 2021. С. 7, 28, 32.

организационные и структурные преобразования, реформирование трудовых и земельных отношений. Со временем (после первоначального накопления капитала) они обрели уверенность, где здоровые амбиции, предприимчивость подтолкнули их к необходимости получения новых знаний и информации для профессионального подхода к новым бизнес-моделям, что привело к модернизации сельскохозяйственного производства в регионе [12, с. 221]. Это яркие примеры технологии формирования новых социальных слоёв и того, как и какие механизмы участвуют в кристаллизации, в становлении новых структур (акторов действия) в социально-структурных процессах российского села.

Тем не менее, за последние два года доля селян, занятых в сельском хозяйстве в неформальном секторе сократилась в целом по РФ с 21,5% в 2020 г. до 17,5% в 2021 г. Наблюдаются эти процессы также в регионах. Соответственно, в СФО эта доля снизилась с 28 до 14%, в ЮФО с 26,5 до 23%, ДФО с 17 до 13%, УФО с 22,5 до 13,3%, СЗФО с 28 до 16%, ЦФО с 21,5 до 14,7%.

Они также сократились за последнее десятилетие в целом по РФ в 2 раза с 33% в 2012 г. до 17,6% в 2021 г. Особенно эти процессы отражаются в региональном разрезе, где занятые в сельском хозяйстве в неформальном секторе также сократились более чем в 2 раза. В ЦФО с 32,6 до 14,7%, СЗФО с 35,7 до 16%, ПФО с 48,5 до 23,5%, СКФО с 19,5 до 14,8%. И только в ЮФО численность, занятых в неформальном секторе возросла с 16% в 2012 г. до 23% в 2021 г., за счёт присоединившейся в 2014 г. Республики Крым, где неформальная занятость в сельском хозяйстве составляла более 50%.

В формальном секторе численность занятых в сельском хозяйстве сокращается в тех районах, где наблюдаются интенсивные процессы урбанизации и высок уровень миграции сельского населения в города. В ЦФО с 18,2 до 13,6%, СЗФО с 17,5 до 9%, ПФО с 23 до 16,7%. В целом по РФ их доля снизилась с 15% в 2012 г. до 12,8% в 2021 г. В других федеральных округах, наоборот, их численность выросла: в СФО с 14,5 до 18%, ДФО с 5,3 до 7%, ЮФО с 7,5 до 12,5%, СКФО с 4,7 до 6,8%.

И наоборот, более чем в 2 раза наблюдается рост неформально занятых в добыче полезных ископаемых, обрабатывающей промышленности, в целом с 9% в 2012 г. по 15% в 2021 г. Наибольший прирост наблюдался в ЦФО с 8,7% в 2012 г. до 18,2% в 2021 г., соответственно, в СЗФО с 10,7 до 17%, ПФО с 1,5 до 18,2%, УФО с 11 до 15%, ЮФО с 2,7 до 9,3%. Эти показатели, возможно, определены тем, что за последние два года, как было указано выше, несмотря на ограничения в связи с пандемией, скорость восстановления ВВП была в пять раз выше мировой, рекордный объём производства, развитый агросектор, опережающее развитие IT-технологии, интенсивная перестройка социальных сервисов¹.

Например, жители сёл Республики Калмыкии, Волгоградской области, Чувашии и многих других регионов работают вахтовым методом на многих из этих строительных площадках, газовых и нефтяных компаний, не меняя постоянного

¹ Бутрин Д. Немобилизационное предписание // Коммерсант. 08.04.2022. С.2.

места жительства в сельской местности. Ещё одним выходом из этой ситуации для селянина — выживание через реализацию себя в новой трудовой практике — является временная, сезонная миграция в города или работа вахтовым методом на Севере. Принятие такого решения — покинуть привычное место и отправиться в шумные города, где много препятствий и неизвестного: как найти себе пристанище, добросовестного работодателя и др. — трудное дело для сельского жителя, привыкшего к размеренной повседневной жизни (из интервью автора с Алексеем, Чувашия, 2017 г.).

Наиболее многочисленной отраслевой структурой занятых в неформальном секторе среди сельских жителей по-прежнему остаётся сфера услуг — торговля, общественное питание различных уровней, бытовое обслуживание и разнообразные услуги. Для большинства сельчан, не имевших опыта и знаний в этой отрасли профессиональной деятельности в начале реформ, сфера услуг стала спасительным решением для адаптации к новым рыночным условиям. Отрасль сферы услуг активно аккумулировала безработных и оставшихся не у дел селян, и они стали нарабатывать навыки и опыт предпринимательства, открывая свои собственные виды мелкого бизнеса и создавая новую инфраструктуру в своих сёлах.

Характерный образец того, как развивались структуры неформального сектора на российском селе, представлен в интервью глав поселений и КФХ на примере сёл Республики Татарстан и Пензенской области, когда «женщины открывают магазины и сами продают. Пчёлосемей очень много у нас на селе. Кто-то держит по 100, кто-то по 70. Продают. В крупных сёлах сельские предприниматели открывают забойные цеха по переработке мясной продукции.... Все три села возят к ним на забой» [11, с. 147]. Это типичные примеры того, как по всей сельской России новые трудовые практики селян развивали не только сельский бизнес, но и сельскую инфраструктуру, аккумулированную в неформальном секторе. Это и придорожные кафе, гостиницы, магазины, ремонтные мастерские, автозаправочные станции вдоль федеральных трасс по всей стране, где заняты большинство сельских жителей. Поэтому в социальной структуре сельских занятых в неформальном секторе доля руководителей различных подразделений в этой отрасли составляет почти 3%.

Ещё один очень важный мотив для поиска эффективной работы основан на рационализации получения высоких доходов не только в качестве источника средств к существованию, но и для престижного потребления, жить не хуже соседей, иметь атрибуты комфортной жизни. По результатам анализа 70% сельских домохозяйств имеют в наличии какое-либо транспортное средство (в том числе легковых автомобилей 43%), когда среди городских домохозяйств таковых только 30%. Здесь примечательны экспертные интервью, отражающие технологию и воспроизводство престижного потребления, что является основной движущей силой новых трудовых практик среди селян: «У нас болезнь такая зависть. Крышу покрыл сосед и всем так хочется сделать». «Здесь люди очень завистливые — если у кого новенькое увидит, обязательно хочет, чтобы и у него было... Кто-то поменял

отечественную машину на иномарку, и пошло-поехало: все меняют. Кто-то купил квартиру в Казани – и всем стало надо покупать. Здесь принято на себе экономить, но обязательно нужно сделать так, как у соседей, и даже лучше» [11, с. 150].

Таким образом, в процессе адаптации произошла интеграция нового трудового поведения среди сельских жителей. И благодаря успешным трудовым практикам и демонстративному потреблению односельчан, а также через средства массовой информации, шло образование и процесс воспитания в них потребительских ценностей и интеграции их таким образом в общество потребления.

Тем не менее, в целом по РФ доля занятых в отрасли торговли и сферы обслуживания за последнее десятилетие сократилась с 42 до 36,7%. Существенное снижение наблюдается в ЦФО с 48 до 36%, УФО с 55,5 до 41,5%, ЮФО с 62,2 до 35%, СКФО с 47,2 до 31,6%. Зато их значительный рост наблюдается в ДФО – с 22 до 48% – в связи с тем, что в рамках государственного проекта «Дальневосточный гектар» его территории заселяются путём раздачи бесплатных гектаров земли под жилищное строительство, фермерские хозяйства и т. д. для привлечения и улучшения демографической ситуации на Дальнем Востоке.

Значительное снижение занятости в неформальном секторе в сфере услуг за последние два года можно объяснить тем, что условия тотальных ограничений из-за пандемии коронавируса способствовали сокращению различных видов услуг в сфере обслуживания, которая в основном состояла из торговли (в том числе уличной лоточной и на рынке), бытовых и транспортных услуг. Если говорить в целом, то снижение занятости в этой отрасли произошло также из-за открытия различных сетей розничной торговли и общественного питания в крупных сельских населённых пунктах, таких как «Магнит», «Пятёрочка», предприятия «фастфуда», поскольку сеть неформальных услуг была в основном распространена в этих поселениях. Также легализация транспортных услуг по перевозке пассажиров, основанная на ужесточении права применения к ним и расширении сети транспортных сервисов «Yandex», «Uber», а также региональные, т. е. местные частные предприятия на сельских территориях, когда большинство занятых были вынуждены перейти в эти сети. Например, доля водителей такси сократилась с 11% в 2014 г. до 5,5% в 2020 г. Легализация неформальной занятости с 2018 г. также сыграла здесь значительную роль, поскольку государство было обеспокоено недоплатой с них налогов.

Следующая группа, в которой в последние годы наблюдается рост численности занятых по федеральным округам, – это прочие отрасли, в которых большинство работников предоставляют различные социальные услуги, в том числе на дому. Посмотрим по кодификатору занятий Минтруда, какие услуги предоставляла данная группа: домработницы, няни, уборщики различных помещений, парикмахеры, косметологи, медработники, водители, репетиторы и проч. Самая многочисленная группа среди них – это охранники различных категорий, в основном работающие посуточно или ежедневно, как маятниковые мигранты, в близлежащих крупных населённых пунктах.

Таким образом, значительное снижение занятых в неформальном секторе наблюдается по мере роста экономики и ускорения урбанизации, легализации неформальной занятости с 2019 г., а также присутствия сельскохозяйственных производителей с передовыми технологиями. Процессы сокращения в округах обусловлены также специфическими характеристиками регионов, основанными на параметрах социально-экономического развития. Например, в регионах ЦФО, СЗФО, ПФО, ЮФО высока доля агрохолдингов в структуре производителей, в то же время у них высока доля пожилого сельского населения. Особенности других регионов проявляются в оттоке сельского населения молодого и среднего возраста в города, в поисках не только заработка, но и комфортной жизни.

Несмотря на то, что в последние годы ужесточились требования по формализации трудовых отношений, доля работающих в неформальном секторе без оформления трудового договора на основе устной договорённости с работодателем, за последнее десятилетие остается фактически без изменений. Данный показатель в целом в российском селе варьируется с 40,7% в 2011 г. до 40,1% в 2021 г., за исключением 2014 г. — он составил 35,7%. Анализ результатов в федеральном разрезе также варьируется от 30% в СЗФО до 39,4% в ПФО. Исключением является Северо-Кавказский федеральный округ, где на основе устной договорённости работают 62% занятых в неформальном секторе. По всей вероятности, большинство из них нанимаются на краткосрочных работах.

Процессы в АПК усугубляются масштабными санкциями, отечественный рынок труда столкнулся с принципиально новыми рисками. Тем не менее, правительство предполагает, что шоки 2022 — 2023 гг. можно преодолеть не только бюджетными расходами из резервов, но и также из-за возможного роста неформального сектора, который способен преодолеть часть проблем на рынке труда¹. Таким образом, можно считать, что в условиях кризиса занятость в неформальном секторе является одним из ресурсов социальной адаптации населения, регуляторов и способов решения проблем в экономике.

Заключение

Результаты анализа по региональным рынкам труда стали эмпирическим свидетельством того, как селяне, пользуясь знаниями, опытом, информацией функционирования рынка и его коллизиями, подключаются к механизмам мобилизации и поискам, интерпретируя быстро меняющуюся ситуацию, мотивируются на личностном уровне и строят бизнес. Таким образом, занятые в неформальном секторе имеют многомерное измерение в пространстве, имеющее разное содержание, условия жизни, определяемые знаниями, навыками профессионального мастерства. Оно в свою очередь определяется ценностями и стремлениями. Работая

---

¹ Бутрин Д. Просядем все // Коммерсант. 14.04.2022. С.1.

на собственном предприятии или в собственном деле под жёстким институциональным давлением рыночных реформ, они тем самым изменяли социально-экономические условия, формируя новое трудовое поведение и образ жизни. На примере фермерских хозяйств, занятых в неформальном секторе, были рассмотрены процессы становления, кристаллизации новых социальных групп, основанных на показателях владения сельскохозяйственными землями и производства продукции.

Анализ данных исследований показывает, что региональные аграрные рынки чувствительны к институциональным структурным изменениям. В последние десятилетия в них наметилась тенденция к сокращению неформальной занятости прежде всего из-за роста социально-экономического развития страны, следствия государственной политики по легализации самозанятых, разработки правоприменительных мер к работодателям по трудовым договорам и контрактам с наёмными работниками, т. е. активным процессам институционализации по отношению к самозанятым.

Исследования показывают противоречия социальных процессов в селе. С одной стороны, наблюдается активная адаптация связанных с развитием фермерских хозяйств, агрохолдингов, крупных СХО, основанных на внедрении новых технологий производства, и, фактически, они являются активными игроками на мировых рынках продовольствия. С другой стороны, наблюдаются процессы пассивной адаптации, что выражается в массовом оттоке трудоспособного населения и молодёжи из сёл, что приводит к их депопуляции, а в развитых аграрных регионах наблюдается поддержка ЛПХ в рамках сохранения сельских территорий и ресурса привлечения в КФХ. Таким образом, противоречия современного села образуют переплетение двух противоположных процессов — движение к модернизации и одновременно к архаизации.

Список литературы

1. Адаптационные стратегии населения: 10 лет исследований / Е. М. Аврамова, О. А. Александрова, Е. Б. Амбарнова [и др.] ; Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. Санкт-Петербург : Издательство «Компьютербург», 2004. 196 с. ISBN 5-93463-006-7. EDN TOJTEH.
2. Россия, которую мы обретаем / В. А. Артемов, С. Ю. Барсукова, Т. Ю. Богомолова [и др.]. Новосибирск : Наука, 2003. 728 с. ISBN 5-02-031868-X. EDN UHEIEV.
3. Вебер М. Избранное. Образ общества. М. : Юрист, 1994. 704 с. ISBN 5-7357-0048-0.
4. Козырева П. М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX-XXI веков. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2004. 320 с. ISBN 5-88790-109-8. EDN QODFKB.
5. Куракин А. А. Белгородские сельскохозяйственные кооперативы: между администрацией, рынком и сообществами // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2012. Вып. 7. Под ред. А. Никулина, М. Пугачевой, Т. Шанина. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 312–344. EDN VOTLSL.

6. Муханова М. Н. Субъекты сельскохозяйственного производства в социально-структурных процессах российского села // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 4 (32). С. 199–212. DOI 10.19181/snsp.2020.8.4.7665. EDN NIQQVX.

7. Муханова М. Н. Обзор методологических подходов к анализу трансформации аграрного рынка труда в современной России // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 1. С. 195–214. DOI 10.19181/vis.2021.12.1.706. EDN RHCQVG.

8. Найшуль В. А. «Откуда суть пошла реформы» – Виталий Найшуль о том, как Россия менялась в 1990-е годы // Полит.ру : [сайт]. 03 марта 2022. URL: <https://polit.ru/article/2022/03/03/naishulreform/> (дата обращения: 07.03.2022).

9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт ; пер. с англ. А. Нестеренко ; предисл. и науч. ред. Б. Мильнера. М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с. ISBN 5-88581-006-0. EDN YQDVYE.

10. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова, А. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1997. 270 с.

11. Сагдиева Э. А. Сферы приложения труда в сельской местности Пензенской области и Республики Татарстан (по данным и материалов интервью) // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 1 (33). С. 140–155. DOI 10.19181/snsp.2021.9.1.7878. EDN FPNRRV.

12. Фадеева О. П. Точечные инновации в российском сельском хозяйстве и их социальные последствия (на примере сибирских регионов) // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2012. Вып. 7 / Под ред. А. Никулина, М. Пугачевой, Т. Шанина. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 220–252.

13. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб. : Интерсоцис, 2006. 112 с. ISBN 5-94348-041-2. EDN QOGGWP.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Муханова Мария Николаевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: mukhanova_m@rambler.ru

AuthorID РИНЦ: 169610

Дата поступления в редакцию: 11.07.2022. Принята к печати: 21.10.2022.

DOI 10.19181/snsp.2022.10.4.9283

Social and Labor Adaptation of Rural Population in the Conditions of Institutional Transformation of the Russian Village

Maria N. Mukhanova¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, b.1, Bol'shaja Andron'evskaja str., Moscow, Russia, 109544

For citation: Mukhanova M. N. (2022). Social and labor adaptation of rural population in the conditions of institutional transformation of the Russian village. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 10, № 4. P. 64–80. DOI 10.19181/snsp.2022.10.4.9283

Abstract. The purpose of this work is to search for empirical evidence of the process of crystallization of new entrepreneurial layers in the changed institutional and socio-cultural environment of the Russian countryside. Based on the analysis of the dynamics of sectoral employment in the agricultural labor market in all Federal Districts, are considered the mechanisms of adaptation of the rural population to the market economy, which led to the destruction of agricultural enterprises, the emergence of capitalist forms of production and new labor practices – employment in the informal sector, are considered. The information base consisted of data from large-scale panel studies of Rosstat 2012–2021 and the All-Russian Agricultural Censuses of 2006, 2016, 2021, as well as research practice in the regions of the Russian Federation. It was revealed that the share of employed both in general and in regional agricultural markets is decreasing with the growth of economic development, the acceleration of urbanization, the legalization of informal employment, the presence of agricultural producers with advanced technologies, as well as large networks in the service sector in large settlements. Using the example of interdependent processes of reduction of farms and the growth of land and agricultural production, they show how farmers with professional management experience, introducing innovative technologies and techniques, applying new business models in the economy managed to resist and become structures for the modernization of production in the regions. Thus, the results of the study demonstrated the technology of crystallization and formation of new entrepreneurial layers in the socio-structural processes of the Russian countryside.

Keywords: rural population, social and labor adaptation, agro-industrial complex, institutional changes, labor market, sectoral employment by federal districts, formal and informal sectors, formation of new strata

REFERENCES

1. *Adaptatsionnye strategii naselenija* (2004). [Adaptation strategies of the population]. Pod red. E. V. Avraamovoy. Sankt-Peterburg. 196 p. (In Russ).
2. Artemov V. (2003). Faktory i posledstvija izmenenij povsednevnoj dejatel'nosti sel'skogo naselenija [Factors and consequences of changes in the daily activities of the rural population]. *Rossija. kotoruyu my obretaem*. Otv. red. T. Zaslavskaya. Z. Kalugina. Novosibirsk : Nauka. 290–308 p. (In Russ).
3. Veber M. (1994). *Izbrannoe. Obraz obshhestva* [Favorites. The image of society]. M. : Yurist. 704 p. (In Russ).
4. Kozyreva P. M. (2004). *Protsessy adaptatsii i evolyutsija sotsial'nogo samochuvstvija rossijan na rubezhe XX-XXI vekov* [Adaptation processes and evolution of social well-being of Russians at the turn of the XX-XXI centuries]. M. : Tsentr obshchechelovecheskikh tsnnostey. 320 p. (In Russ).
5. Kurakin A. (2012). Belgorodskie sel'skokhozjajstvennye kooperativy: mezhdru administratsiej, rynkom i soobshhestvami [Belgorod agricultural cooperatives: between administration, market and communities] // *Krest'anovedenie: Teorija. Istorija. Sovremennost'*. *Uchenye zapiski*. Vyp. 7. Pod red. A. Nikulina, M. Pugachevoj, T. Shanina. M. : Izdatel'skij dom «Delo» RANKhIGS. P. 312–344. (In Russ).
6. Mukhanova M. (2020). Sub'ekty sel'skokhozjajstvennogo proizvodstva v sotsial'no-strukturnykh protsessakh rossijskogo sela [Subjects of Agricultural Production in the Socio-Structural Processes of the Russian Village]. *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial'naja praktika*. № 4. P. 199–212. DOI 10.19181/snsp.2020.8.4.7665. (In Russ).
7. Mukhanova M. (2021) Obzor metodologicheskikh podkhodov k analizu transformatsii agrarnogo rynka truda v sovremennoj Rossii [Review of Methodological approaches to the analysis of transformation of the agricultural labor market in modern Russia]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. № 1. P. 195–214. DOI 10.19181/vis.2021.12.1.706. (In Russ).

8. Najshul' V. «*Otkuda sut' poshli reformy*» – o tom, kak Rossiya menjalas' v 1990-ye gody [“Where did the reforms come from” – about how Russia changed in the 1990s]. Sajt Polit.ru. URL: <https://polit.ru/article/2022/03/03/naishulreform/>. (data obrashchenija: 07.03.2022).
9. Nort D. (1997). *Instituty. institutsional'nye izmenenija i funkcionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy]. Per. s angl. A. Nesterenko ; predisl. i nauch. red. B. Milnera. M. : Fond ekonomicheskoj knigi «Nachala». 180 p. (In Russ).
10. Parsons T. (1997). *Sistema sovremennykh obshhestv* [The Sistem of modern societies]. Per. s angl. L. A. Sedova i A. Kovaleva. Pod red. M. S. Kovalevoj. M. : Aspekt Press. 270 p. (In Russ).
11. Sagdiyeva E. (2021). Sfery prilozhenija truda v selskoj mestnosti Penzenskoj oblasti i Respubliki Tatarstan (po dannym i materialov interv'y'u) [Spheres of labor application in rural areas of the Penza region and the Republic of Tatarstan (according to data and interview materials)]. *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial'naja praktika*. № 1. P. 140–155. DOI 10.19181/snsp.2021.9.1.7878. (In Russ).
12. Fadeeva O. (2012). Tochechnye innovatsii v rossijskom sel'skom khozjajstve i ikh sotsial'nye posledstvija (na primere sibirskikh regionov) [Point innovations in Russian agriculture and their social consequences (on the example of Siberian regions)]. *Krest'janovedeniye: Teorija. Istorija. Sovremennost'. Uchenye zapiski*. 2012. Vyp. 7. Pod red. A. Nikulina. M. Pugachevoj. T. Shanina. M. : Izdatel'skij dom «Delo» RANKhiGS. P. 220–252. (In Russ).
13. Yadov V. (2006) *Sovremennaja teoreticheskaja sotsiologija kak kontseptual'naya baza issledovaniya rossijskikh transformacij* [Modern theoretical sociology as a conceptual base for the study of Russian transformations]. SPb. : Intersotsis, 112 p. (In Russ).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria Nikolaevna Mukhanova, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: mukhanova_m@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0002-9988-2503

ResearcherID: ABN-3787-2020

The article was submitted on July 11, 2022. Accepted on October 21, 2022.